

Максим Орлов

**Духи мёртвых солдат:
Ржавый горизонт**

Максим Орлов

**Духи мёртвых солдат:
Ржавый горизонт**

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Духи мёртвых солдат: Ржавый горизонт / М. В. Орлов —
«Автор», 2026

2031 год. После прорыва Левиафанов из Марианской впадины мир рухнул: океан стал живой заражённой средой, вода разъедает металл, а мёртвые голоса звучат в старом эфире. Бывший инженер Егор Ростов, виновный в создании «Глубинного Щи-та», и шестнадцатилетняя курсантка Кира Кречетова, глухая к Зову чудовищ, оказываются в оторванном вагоне бронепоезда посреди мёртвой Сибири. Их путь ведёт через объект «Тайга-12», где хранится Книга Имен — артефакт, связанный с душами погибших солдат. За Книгой охотится полковник Грачёв, мечтающий создать армию из памяти мёртвых, и сама Глубина, желающая научиться человеческой войне. Чтобы выжить, героям придётся заключить союз с Чёрным бронепоездом, пройти архив неопознанных, не откликнуться на голоса близких и решить: имеют ли мёртвые право вернуться — или живые снова превратят их в оружие.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Максим Орлов

Духи мёртвых солдат: Ржавый горизонт

Пролог

Вагон 17, станция «Мёртвый перевал»

Год 2031-й.

Сибирь научилась дышать металлом и гнить заживо.

Егор Ростов понял, что мир окончательно сошёл с ума не в тот день, когда Марианская впадина выплюнула Левиафанов на побережье Владивостока. И не тогда, когда волна высотой с телебашню прошла по бухте Золотой Рог, унося корабли, пирсы, портовые краны и людей, которые до последнего снимали конец света на телефоны.

Нет. Мир окончательно сошёл с ума три часа назад.

Когда Егор увидел, как ржавая вода разъела стальной рельс за сорок секунд.

Тридцать сантиметров закалённой стали превратились в рыжую слизь прямо под колёсной парой бронепоезда. Не расплавились. Не треснули. Именно сгнили — быстро, жадно, с влажным чавканьем, будто металл был мясом, а вода умела есть.

Только чудом — или остатками инженерного чутья Егора — состав успел сбросить ход до того, как тендер провалился в пустоту.

Теперь они стояли посреди тайги, которой больше не было.

Вместо вековых лиственниц вокруг торчали чёрные рёбра оплавленного бетона. Стволы деревьев стояли голыми, без коры и ветвей, похожие на обугленные стволы артиллерийских орудий. Земля вспухла ржавыми пузырями. Из трещин поднимался пар. Местами он светился изнутри бледно-синим, глубоководным огнём.

Пахло озоном. Жжёной резиной. Старым машинным маслом. И сладковатым трупным смрадом, который ветер приносил со стороны заброшенного полигона.

Егор высунулся из бокового люка машинного отделения.

Под ногами кашлял дизель. Огромная машина чихала чёрным дымом, захлёбываясь воздухом, пропитанным спорами. Вибрация шла по полу, по костям, по креплению протеза, уходила в плечо тупой металлической болью.

Левая рука Егора не была рукой.

Это был тяжёлый гидравлический протез, собранный из глубоководного бурового манипулятора, армейской кибернетики и чьей-то дурной надежды, висел на плече как чужая вина. Вместо кисти — складной буровой наконечник, сейчас зафиксированный в походном положении. На шарнирах проступала чёрная смазка. В сервоприводах тихо щёлкало, словно внутри жили насекомые.

— Сцепка греется! — проорал машинист Птахин, перекрикивая вой ветра. — Если останемся тут дольше десяти минут, оси сплавятся с путями!

Егор не ответил.

Он смотрел вперёд.

Там, где Транссиб делал крутой поворот, огибая сопку, стоял туман. Но это был не обычный утренний пар. Туман светился изнутри мертвенным, бледно-синим светом, похожим на биолюминесценцию глубоководных рыб.

В его толще медленно плыли тени.

Они были слишком правильными для облаков.

Прямоугольные. Железные. Вагонные.

Егор прищурился.

— Птахин.

— Чего?

— Задний ход. Медленно. Без рывков.

Машинист повернул к нему голову. Лицо Птахины было серым от копоти и усталости, глаза красные, веки распухшие. Последние трое суток он спал по двадцать минут, сидя у пульта. Если в аду существовала должность машиниста эвакуационного состава, выглядели там примерно так же.

— Ты сдурел, Шрам?

— Нет.

— Нас Грачёв сожрёт живьём. У нас груз первой категории. Приказ — Владивосток за двое суток.

— Там нет путей.

— На карте есть.

Егор ткнул пальцем в сторону синего марева.

— Там только память о путях. Дай реверс.

Птахин грязно выругался, но потянул рычаг.

Огромная туша **«Транссибирского Ковчега»** вздрогнула. Двенадцать бронированных вагонов, две зенитные платформы, санитарный отсек, рефрижератор с запасами, вагон-сейф и локомотив, обшитый ржавой бронёй, начали пятиться.

Стальные колёса скрежетнули, высекая искры из уцелевшего участка рельса.

И тогда Зов ударил по ним.

Это была не сирена воздушной тревоги.

И не рёв чудовища.

Это был звук лопнувшей вселенной.

Низкая, вибрирующая нота прошла сквозь броню, кости и зубы. От неё затрещали старые пломбы, задрожали стёкла приборов, а гидравлический протез Егора дёрнулся в спазме, пытаясь сверлить воздух. Левая сторона тела вспыхнула болью. Из носа потекла тёплая кровь.

Птахин завизжал.

Не закричал — именно завизжал, как человек, которому в череп залили кипяток.

В соседнем отсеке кто-то начал молиться. Кто-то смеялся. Кто-то бился головой о переборку.

А потом Егор услышал Киру.

Она сидела в бронированном медицинском контейнере внутри вагона номер семнадцать — свинцовом гробу с тройными фильтрами, вакуумной прослойкой и замками флотского образца.

Её крик пробил звукоизоляцию, армированную сталь и общий вой состава.

Егор сорвал с крепления пожарный топор и бросился внутрь вагона.

Вагон семнадцать когда-то был рефрижератором. Теперь в нём везли всё, что не должно было умереть до Владивостока: ящики с консервированной тушёнкой, упаковки фильтров, термокапсулы с детьми, запаянный контейнер с тротилом, несколько сейфов неизвестного назначения и Киру Кречетову — дочь погибшего адмирала, курсантку закрытой военно-морской академии, объект проекта **«Немота»**.

Контейнер стоял у правого борта. На его боку белела эмблема Тихоокеанского флота, перечёркнутая чёрной полосой. Поверх неё кто-то маркером написал: **«Не открывать без приказа»**.

Егор ударил обухом по бронестеклу иллюминатора.

— Кречетова! Открывай клапан внешнего контура! Живо!

Внутри Кира билась, прижав ладони к шлему. Её глаза закатились, показывая белки. Нейронная глухота давала ей иммунитет к акустическому безумию Левиафанов, но не спасала от физического давления звука. Зов выдавливал из неё воздух, кровь, внутренности — всё, что ещё принадлежало человеческому телу.

— Кира!

Она слышала.

Или прочитала по губам.

Пальцы дёрнулись у панели аварийного сброса. Щёлкнули замки. Бронешторка отъехала в сторону. Контейнер выдохнул белым паром.

Кира вывалилась наружу, упала на колени прямо в масляную лужу, согнулась пополам, и её вырвало желчью.

Ей было шестнадцать.

Выглядела она младше — до тех пор, пока не поднимала глаза.

Тогда становилось ясно: детство в ней закончилось раньше, чем у большинства взрослых начинается совесть.

Короткие тёмные волосы прилипли ко лбу. На шее блестел металлический ошейник с индикаторами. Серый термокостюм был исписан номерами, штампами и допусками. На рукаве — маленький флотский шеврон.

Кира вытерла рот тыльной стороной ладони.

— Они знают.

— Кто?

— Они.

— Конкретнее.

Она подняла на него мутный взгляд.

— Книга. Они чувствуют Книгу.

Из тамбура ударила пулемётная очередь.

Короткая. Злая. Профессиональная.

Следом раздался нечеловеческий визг, переходящий в треск статики.

Стеклянные гончие.

Егор схватил Киру за шиворот бушлата и потащил к машинному отделению.

— Грачёв нашёл нас раньше времени.

— Это не люди, — выдохнула Кира. — Люди так не двигаются.

— У Грачёва тоже не все люди.

— Посмотри на крышу.

Егор выглянул в боковой люк.

По крыше их вагона бежала тварь.

Она состояла из прозрачного хитина, натянутого на каркас из человеческих берцовых костей и медных жил. Сквозь полупрозрачную плоть было видно, как пульсирует фиолетовое сердце. Вместо глаз — гладкая костяная линза, собирающая окружающий свет в две слепящие точки.

Гончая двигалась огромными прыжками. Хвост из сплетённого оптоволокна работал балансиром. Она не скользила по ржавчине — она впитывала удар лапами, отталкиваясь от металла, как от батутной сетки.

На следующей платформе пулемётчик бил короткими очередями, экономя ленту.

Пуля калибра 12,7 миллиметра попала гончей в плечо. Хитин разлетелся стеклянной крошкой, обнажив дымящуюся мышцу.

Тварь даже не замедлилась.

Она перепрыгнула через кабину пулемётчика.

Раздался влажный хруст.

Тяжёлое тело бойца вылетело из-за щитка, ударилось о перила и осталось висеть, оставляя на металле широкий кровавый мазок.

— Сцепка сейчас лопнет! — взвыл Птахин. — Температура критическая!

Бронепоезд содрогнулся.

Не от взрыва.

От чего-то иного.

Воздух стал густым, как кисель. Синий свет тумана впереди вспыхнул ярче, пронзив кабину рентгеновским сиянием. На секунду Егор увидел собственную руку-протез насквозь: шестерни, тросы, гидравлические трубки, старые болты, вживлённые в кость плеча.

Сцепное устройство между локомотивом и первым вагоном издало звук рвущейся ткани.

Металл застонал.

Егор бросился к приборной панели. Протез щёлкнул, активируя внутренние шестерни. Гидравлика зашипела.

— Держись за что-нибудь! — рявкнул он Кире.

— Что ты делаешь?

— Глупость. Но инженерную.

Он вырубил дизель.

Наступила оглушающая тишина.

В ней слышны были только нарастающий гул Зова, визг подшипников и далёкие удары пулемётов.

Состав перестал сопротивляться инерции. Многотысячетонная масса начала медленно катиться назад — туда, откуда пришла, прочь от синего тумана и мёртвой станции.

Но было поздно.

Первый вагон — тяжёлый артиллерийский лафет — накренился. Колёса с правой стороны соскочили с растворившегося рельса. Многослойная броня со скрежетом вспахала щебень. Вагон занесло, потянув за собой сцепку.

Металлический стержень толщиной в телеграфный столб натянулся, как струна.

А потом лопнул.

Хлесткий удар отбросил Егора от пульта.

Локомотив резко ушёл вперёд, освобождаясь от тяжести состава. Искры дождём осыпали кабину. Людей в вагоне швырнуло на пол. Термокапсулы сорвались с креплений. Ящики с тушёнкой посыпались, как кирпичи.

Вагон семнадцать, в котором находились Егор, Кира, ящик тротила, запас консервированной еды на полгода и секретный груз полковника Грачёва, остался один.

Он летел задом наперёд по заброшенной ветке, ведущей в никуда.

Старые шпалы трескали под его весом, как сухое печенье. Справа мелькнул покосившийся семафор. Слева — бетонный остов сгоревшего вокзала. Над провалившейся крышей висела ржавая табличка:

МЁРТВЫЙ ПЕРЕВАЛ

Егор поднялся, цепляясь здоровой рукой за поручень. Кровь из носа заливала рот. Протез отозвался болью — гидравлику заклинило от акустического удара.

Кира уже стояла на ногах.

В свои шестнадцать она двигалась как кобра — собранно, резко, опасно. Каждое движение выверено годами строевой подготовки. В руках она сжимала пистолет Макарова, хотя против Стекланных гончих он был почти бесполезен.

— Где мы?

— Узловая «Мёртвый перевал», — процедил Егор, глядя в разбитое окно кабины. — Сорок километров до человеческого жилья. Если верить карте тридцатилетней давности.

— А если не верить?

— Тогда мы кусок мяса, который везут на обед Глубине.

Вагон трянуло так, что обоих швырнуло на пол.

Снаружи раздался скрежет, отличный от звука железа о железо. Высокочастотный. Режущий слух. Звук точильного камня, которым водят по кости.

Гончая спрыгнула с крыши.

Она проломила лист алюминия вентиляционной шахты и рухнула на решётку пола, отделявшую кабину от машинного отделения. Хитиновые лезвия на лапах прошли стальную сетку, намертво прищипив тварь к полу.

Она подняла голову.

Внутри черепа из переплетённых проводов и хрящей не было глаз. Только гладкая костяная линза, фокусирующая свет в две слепящие точки.

Тварь открыла пасть.

Четыре ряда зубов-застёжек разошлись в стороны.

Вместо рычания из глотки полился синий свет Зова.

Кира выстрелила трижды.

Пули вошли в грудь гончей. Фиолетовое сердце лопнуло, забрызгав кабину густой фосфоресцирующей жидкостью.

Тварь завывала, но не умерла.

Она поползла вперёд, подтягивая себя на собственных кишках, превратившихся в стальные тросы.

— Огнетушитель! — крикнул Егор. — Дави кислоту!

Кира перехватила пистолет одной рукой, другой сорвала со стены углекислотный баллон. Белая ледяная струя ударила гончей в морду. Тварь заверещала.

Холод останавливал биологические процессы, превращая жидкую кислоту в хрупкий гель.

Этого хватило на пять секунд.

Егор шагнул вперёд.

Левый плечевой сустав издал металлический лязг. Он поднял руку-протез. Сервоприводы взвыли, выходя на форсаж. Бур на конце манипулятора дрогнул и начал вращаться. Сначала медленно. Потом быстрее. Потом так, что воздух вокруг него стал серым.

По кабине поплыл запах горелой изоляции и горячей крови.

— Закрой глаза, девочка, — ровно сказал Егор.

— Не называй меня девочкой.

— Тогда не моргай, курсант.

Он не прыгнул.

Он упал на колено, принимая вес твари на механический локоть, и насадил ревущую голову гончей на бур.

Раздался хруст, похожий на перемалывание гравия.

Зубья впились в биохитин. Искры полетели во все стороны. Протез вяз в позвоночнике монстра. Гидравлика жалобно стонала, грозя разорвать крепления в плече самого Егора.

Голова гончей отделилась от тела.

Обрубок шеи ударил фонтаном синей крови, залив смотровое стекло. Мёртвая тварь обвисла на протезе тяжёлым, вонючим мешком.

Егор попытался вытащить бур.

Механизм заклинило.

Кость гончей зажала зубья намертво.

— Оставь его, — сказала Кира. Она тяжело дышала, но голос был ровным. — Уходим. Сейчас же.

— Куда, Кречетова?

Егор кивнул за спину.

— Там лес, полный таких же ублюдков. Впереди мост, которого нет. Мы заперты в холодильнике на колёсах.

— Мы не заперты. Мы в движении.

— Это не всегда плюс.

Кира подошла к рации.

Старая ламповая панель **Р-123** шипела белым шумом. После удара Зова любая электроника должна была выгореть дотла. Но лампы светились ровным, спокойным зелёным огнём.

Кира надела тяжёлые наушники. Покрутила верньер настройки.

Егор хотел сказать ей, чтобы не трогала незнакомую частоту.

Не успел.

Сквозь треск эфира, сквозь ультразвуковой визг отступающих тварей и далёкую стрельбу отряда Грачёва, пробился новый звук.

Человеческий голос.

Сухой. Надтреснутый. Лишённый всяких эмоций.

Голос диктора советского радио пятидесятих годов.

— Внимание личному составу. Говорит узел связи **«Тайга-двенадцать»**. Код угрозы — **«Рубин»**. Повторяю, код **«Рубин»**.

Кира побледнела.

— Егор это архивная частота Министерства обороны. Её не существует тридцать лет.

Голос продолжил, игнорируя законы физики:

— Нарушена целостность периметра объекта **«Книга»**. Активирован протокол **«Литерный»**. Всем выжившим подразделениям предписано следовать к точке эвакуации **«Омега»**. Состав литерный-ноль проследует мимо вас через восемнадцать минут. Приготовьте пропуск.

Егор медленно снял с протеза обмякшую гончую голову. Бур всё ещё был в ней, заклинанный в хитине, но сервоприводы удалось выключить.

— Пропуск, — повторил он. — Прекрасно.

— У нас нет пропуска.

— У нас есть девочка в секретном контейнере, ящик тротила и мёртвая собака из стекла.

Для русской железной дороги хватит.

Рация щёлкнула.

Голос изменился.

Теперь он звучал не как диктор.

Он был ниже. Глуше. Ближе к человеку, который слишком долго стоял в холодной воде.

— Вагон семнадцать. Слушай приказ.

Кира медленно сняла наушники.

— Ты это слышал?

— Да.

— Он сказал

— Да.

— Он знает номер вагона.

Егор взял микрофон.

— Кто говорит?

Помехи шипели, будто кто-то сыпал песок на раскалённое железо.

Потом голос ответил:

— Лейтенант Лютый. Разведгруппа сорок один. Погибшие при исполнении.

Кира побледнела ещё сильнее.

— Сорок первый год?

— Неважно, — сказал голос. — Время кончилось.

Егор посмотрел в выбитое окно кабины.

Впереди, там, где заросшая кустарником насыпь уходила в темноту тайги, медленно разгорался красный огонь.

Не пожар.

Топка паровоза.

Из-за поворота выползал силуэт.

Чёрный. Огромный. Поглощающий звёздный свет.

Старый бронепоезд, собранный будто из разных эпох: царские бронеплощадки, советские вагоны, современные бронированные модули, санитарный отсек с красным крестом, почерневшим до цвета запёкшейся крови.

Он шёл без дыма.

Колёса крутились в абсолютной тишине, лишь изредка издавая скрип, похожий на предсмертный хрип.

На борту головного вагона белой трафаретной краской, поверх свежей копоти, было выведено одно слово:

ИМЯ

За ним тянулись платформы, забытые старым оружием, проржавевшими касками, пробитыми бронежилетами и чем-то, что походило на огромные коконы из паутины и свинца.

На крышах стояли солдаты.

Неподвижные. Серые. С оружием в руках.

У некоторых были винтовки с длинными штыками. У других — автоматы времён давно умершей страны. У третьих — современные карабины, покрытые солью и сажей.

Все они смотрели на вагон семнадцать.

Хотя глаз у многих уже не было.

Кира отступила на шаг.

— Это эвакуационный поезд?

Егор не ответил.

Рация хрипнула.

Голос Лютого произнёс:

— Доставить носителя во Владивосток. Сохранить Книгу Имён. Не дать морю научиться войне.

— А если я откажусь? — спросил Егор.

Секунду в эфире было только шипение.

Потом из рации донеслось множество голосов.

Мужских. Молодых. Старых. Хриплых. Спокойных. Злых. Уставших.

Голоса погибших солдат говорили хором:

— Тогда пойдём сами.

Вагон семнадцать дёрнуло.

Не снаружи.

Снизу.

Будто рельсы под ним стали живыми и решили подтолкнуть его к чёрному составу.

Егор сжал металлический кулак. Протез щёлкнул, отзываясь болью в плече.

— Кречетова.

— Что?

— Ты умеешь договариваться с мёртвыми?

— Нет.

— А с железной дорогой?

— Нет.

— Тогда будем импровизировать.

Кира вытерла кровь с подбородка и передёрнула затвор пистолета.

— Устав допускает импровизацию при отсутствии иных вариантов.

— Хороший устав.

Где-то глубоко под землёй, в недрах разрушенного полигона, сработал первый детонатор Книги Имён.

Тонкая игла из метеоритного железа вошла в свинцовый саркофаг.

На кончике иглы дрожала капля человеческой крови, подписанная фамилией, которую никто не произносил почти сто лет.

В темноте тайги открыл глаза человек, погибший в битве за Порт-Артур в тысяча девятьсот четвёртом году.

Он сделал первый вдох после смерти.

И закричал.

Чёрный бронепоезд тронулся первым.

Вагон семнадцать, скрипя тормозами, дымя ржавчиной и кровью, пополз следом.

На востоке снова вспыхнул синий свет.

На этот раз в нём был силуэт.

Огромный. Невозможный. Далёкий, но всё равно слишком близкий.

Левиафан поднимался из тумана за сопками, хотя до океана были сотни километров.

Море училось ходить по земле.

А мёртвые солдаты уже занимали места у бойниц.

Продолжаю от финала пролога: вагон 17 следует за Чёрным бронепоездом, герои ещё не понимают правил мёртвого состава, а Левиафаны уже тянутся к Книге. Сохраню мрачный военный постапокалиптический тон, динамику и логику событий.

Глава 1

Пропуск для мёртвых

Вагон семнадцать шёл за чёрным бронепоездом, как привязанный.

Не сцепкой.

Не тросом.

Не магнитной захваткой и не аварийным буксиром.

Ничего видимого между ними не было. Только тридцать метров ночи, ржавые рельсы, клочья синего тумана и редкие искры, вылетающие из-под колёс. Но каждый раз, когда вагон пытался замедлиться, его мягко, почти заботливо, подтягивало вперёд. А когда накатывался слишком близко к последней платформе мёртвого состава, тормоза сами хватали колёсные пары, и весь корпус вздрагивал от скрежета.

Егор Ростов стоял у выбитого окна кабины и смотрел на поезд впереди.

Чёрный бронепоезд не должен был существовать.

Такое простое правило в новом мире давно потеряло силу. После Левиафанов существовать могло всё что угодно: вода, которая ела сталь; туман, в котором проступали обломки городов; люди, превращённые в ходячие антенны; звери из хитина, костей и оптоволокна.

Но бронепоезд всё равно не должен был существовать.

Он шёл по рельсам, которых местами уже не было.

Проходил через провалы, где шпалы сгнили, насыпь осыпалась, а железнодорожное полотно обрывалось в чёрные овраги. Его колёса не падали в пустоту. Они будто помнили дорогу лучше самой дороги. Там, где металл исчезал, под ними на мгновение проступали прозрачные рельсы — белёсые, как старые кости под водой.

Вагон семнадцать следовал за ним.

И это было хуже всего.

Егор не любил, когда техника вела себя умнее инженера.

— Он нас тащит, — сказала Кира.

Она стояла рядом, держась одной рукой за поручень, другой — за пистолет Макарова. Пистолет выглядел жалко. После Стеклойной гончей он казался не оружием, а жестом упрямства.

— Не тащит, — ответил Егор. — Ведёт.

— Разница?

— Если тащит — можно перерубить. Если ведёт — надо понять куда.

Кира посмотрела на чёрный состав.

На последней платформе стояли солдаты.

Четверо.

Неподвижные, будто прикрученные к полу. У одного на плече висел ручной пулемёт с диском. У другого — длинная винтовка со штыком. Третий держал современный автомат с подствольником, но форма на нём была такая старая, что ткань казалась не тканью, а пеплом. Четвёртый стоял без каски. Вместо лица у него была тёмная вмятина, будто череп продавили прикладом.

Все четверо смотрели назад.

На вагон семнадцать.

— Они нас видят, — тихо сказала Кира.

— Было бы странно, если бы не видели.

— Они мёртвые.

— В этом составе это, похоже, не освобождает от караульной службы.

Кира промолчала.

Снаружи снова вспыхнуло синее зарево.

Далеко, за сопками, за мёртвой тайгой, где не было ни моря, ни крупных рек, что-то огромное двигалось сквозь туман. Силуэт появлялся и исчезал, как чужая мысль в человеческой голове. Иногда казалось, что это гора. Иногда — позвоночник. Иногда — гребень, покрытый светящимися наростами.

Левиафан.

Слово было слишком маленьким.

Люди всегда давали чудовищам имена, чтобы сделать их удобнее для страха. Дракон. Кракен. Бог. Левиафан. Но то, что шло за ними через Сибирь, не нуждалось в имени. Оно не охотилось, как зверь. Не преследовало, как враг. Оно распространялось. Как вода. Как плесень. Как приказ, который уже отдали, но ещё не успели выполнить.

Егор сплюнул кровь на пол.

Кровь тут же смешалась с синей слизью Стеклойной гончей и зашипела.

— Не плюй куда попало, — сказала Кира.

— Прости. В следующий раз попрошу у твари пепельницу.

Она проигнорировала.

— У тебя протез заклинило?

Егор поднял левую руку.

Буровой наконечник всё ещё был зажат обломками биохитина. Часть головы гончей висела на механизме мёртвым комом. Из разрезанной твари вытекала густая фосфоресцирующая жидкость. Там, где она попадала на металл, появлялись мелкие пузырьки коррозии.

— Не заклинило. Скучает по морю.

— Смешно.

— Я старался.

Он поставил ногу на остатки гончей головы, упёрся протезом, включил обратный ход.

Механизм дёрнулся.

Сервоприводы завывали.

На секунду показалось, что сейчас крепление плеча вырвет вместе с костью. Егор сжал зубы. Перед глазами поплыли белые пятна.

Бур провернулся.

Хитин хрустнул.

Голова гончей отвалилась на пол и распалась на влажные стеклянные пластины. Кира тут же ударила по ним струёй из огнетушителя. Слизь застыла белёсой коркой.

— Теперь это надо выбросить, — сказала она.

— После того как выясним, что с тормозами.

— Сначала надо выяснить, кто ещё жив.

Егор медленно повернул голову.

Вагон семнадцать больше не был кабиной, рефрижератором и машинным отсеком.

Он стал полем боя.

Термокапсулы сорвало с креплений. Две лежали у стены, мигая аварийными индикаторами. Одна была разбита. На полу среди осколков пластика и стекла неподвижно лежал ребёнок лет восьми. Лицо серое, губы посиневшие. Рядом на коленях сидела женщина-техник и держала его руку, хотя прибор на капсуле уже показывал ровную линию.

У дальней переборки стонал Птахин. Машинист прижимал ладонь к животу. Между пальцами текла кровь. Он пытался зажать рану, но каждый толчок вагона выдавливал из него новый тёмный комок.

Ещё трое охранников были мертвы.

Один — от пуль. Свои же положили, когда Зов ударил по мозгам и люди начали стрелять в тени. Второго вскрыла гончая. Третий сидел у стены с автоматом на коленях и дырой в горле. Глаза у него были открыты. Он смотрел на потолок так, будто там наконец нашёлся ответ.

Живых осталось девять.

Если считать Егора и Киру.

Если считать раненого Птахина.

Если считать двоих детей, которые ещё дышали в уцелевших термокапсулах.

Егор не любил считать живых. Живые имели привычку быстро менять категорию.

Кира уже двигалась по вагону.

— Ты, — она указала на женщину-техника. — Как зовут?

Та подняла на неё пустые глаза.

— Лиза.

— Лиза, проверь фильтры в капсулах. Не смотри на мёртвого. Он уже не требует твоей помощи. Эти двое — требуют.

Женщина вздрогнула.

— Я я не медик.

— Теперь медик. Двигайся.

Голос Киры был сухим, жёстким, почти взрослым. Или слишком взрослым. Таким голо-сом командуют не потому, что умеют, а потому что иначе люди развалятся на куски.

Лиза подчинилась.

Кира повернулась к остальным.

— Оружие собрать. Патроны отдельно. Кто ранен — к правому борту. Кто может стоять — проверяет крепления груза.

Один из охранников, лысый, с обожжённым лицом, зло посмотрел на неё.

— Ты кто такая, чтобы командовать?

Кира даже не моргнула.

— Курсант Кречетова. Объект проекта «Немота». Носитель допуска адмиралтейского уровня.

— Ты ребёнок.

— А ты солдат без командира.

Охранник поднялся.

— Слушай сюда, малявка

Егор шагнул между ними.

Не быстро. Просто достаточно близко, чтобы охранник увидел протез, покрытый синей кровью.

— Она сказала собрать оружие.

Охранник перевёл взгляд на Егора.

— А ты кто такой?

— Человек с тяжёлой рукой и плохим настроением.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом охранник сплюнул и нагнулся за автоматом.

— Вот и славно, — сказал Егор. — Начинаем строить общество.

Кира бросила на него короткий взгляд.

— Спасибо.

— Не привыкай.

Она отвернулась, но Егор заметил: руки у неё дрожали.

Совсем чуть-чуть.

Пистолетный ствол выдавал её лучше лица.

Он подошёл к Птахину.

Машинист хрипло дышал, запрокинув голову. Кожа стала восковой. На губах пузырилась кровь.

— Шрам, — прошептал он.

— Живой?

— Временно.

— Отлично. Это сейчас у всех статус.

Птахин попытался усмехнуться, но закашлялся.

— Тормоза контур пробит. Ручник держит плохо. Если спуск усилится — пойдём вразнос.

— Нас мёртвый поезд держит.

— Не закладывайся на мёртвых, инженер. Они народ ненадёжный.

— Запомню.

Птахин схватил Егора за рукав.

— Сейф.

— Что сейф?

— Грачёвский груз в сейфе. Не Книга. Не вся. Ключ. Или кусок. Я слышал, как офицеры говорили. Если бронепоезд пришёл за нами — значит, оно здесь.

Егор посмотрел в сторону дальнего отсека.

Там, за упавшими ящиками и погнутой переборкой, стоял серый бронированный контейнер. Раньше он казался просто очередным ящиком с секретной маркировкой. Теперь от него шёл слабый холод.

Не физический.

Другой.

Так пахнут старые подвалы, заброшенные казармы и фотографии людей, которых давно некому оплакивать.

— Что внутри?

Птахин зажмурился.

— Не знаю. Но когда грузили, один прапорщик перекрестился. Второй смеялся. А третий застрелился через полчаса.

— Информативно.

— Не открывай.

— Конечно.

— Я серьёзно.

— Я тоже. В этом мире я первым делом открываю всё, что просит не открывать.

Птахин снова закашлялся. На этот раз дольше. Когда приступ закончился, на губах у него осталась чёрная кровь.

— Ты был на «Глубинном Щите», — сказал он.

Егор замер.

— Был.

— Это правда? Что мы сами их вырастили?

Вагон качнулся. Снаружи скрипнули рельсы. Чёрный поезд впереди шёл в полной тишине.

Егор посмотрел на Птахина.

Он мог соврать.

Людам иногда нужна ложь. Особенно умирающим.

Но Егор давно заметил: мир закончился не из-за того, что людям говорили слишком много правды. Скорее наоборот.

— Правда, — сказал он.

Птахин закрыл глаза.

— Суки.

— Да.

— Все?

— Почти.

— Ты?

Егор не ответил сразу.

В машинном отделении пахло кровью, кислотой и горелой изоляцией. На полу скрипело стеклянное крошево. Кира командовала выжившими. Где-то плакал ребёнок. За окном мёртвые солдаты ехали на восток.

— Я был инженером, — сказал Егор. — Нам говорили, что мы строим щит.

Птахин открыл один глаз.

— А построили дверь?

— Инкубатор.

Машинист тихо засмеялся. Смех оборвался болью.

— Тогда не открывай второй.

Он кивнул на сейф.

И умер.

Очень просто.

Без последней мудрой фразы. Без долгого взгляда в вечность. Просто выдохнул, обмяк и стал частью статистики вагона семнадцать.

Егор посидел рядом ещё секунду.

Потом закрыл ему глаза.

— Ростов, — позвала Кира.

Он поднялся.

— Что?

— Рация.

Ламповая панель Р-123 снова ожила.

Зелёные индикаторы горели ровно, хотя питание вагона скакало. Стрелка настройки дрожала на частоте, которой не было ни в одном современном справочнике. Из динамика шёл тихий треск, похожий на шаги по гравии.

Потом голос сказал:

— Вагон семнадцать. Назовите пропуск.

Егор взял микрофон.

— Уточните форму пропуска.

Кира посмотрела на него так, будто он окончательно сошёл с ума.

Голос молчал.

Потом ответил:

— Имя.

Егор нахмурился.

— Чьё?

— То, которое забыли.

Вагон вдруг стал холоднее.

Не сильно. На пару градусов. Но все это почувствовали. Люди замолчали. Даже ребёнок перестал плакать.

Кира медленно повернулась к бронированному сейфу.

— Они хотят, чтобы мы открыли груз.

— Похоже.

— Птахин сказал не открывать.

— Птахин умер. Это снизило его авторитет в текущей дискуссии.

— Егор.

Впервые она назвала его не Ростов и не Шрам.

Просто Егор.

Он не сразу понял, почему это неприятно.

Наверное, потому что так говорят, когда хотят достучаться до человека, а не до функции.

— Что?

— Если это часть Книги Имён, мы не знаем правил.

— У нас и без того дефицит правил.

— Мёртвый состав потребовал пропуск. Если не дать — что будет?

Егор посмотрел в окно.

На последней платформе чёрного поезда солдаты уже не просто стояли.

Они разворачивали оружие.

Медленно. Без суеты.

Ручной пулемёт с диском опустился на сошки. Винтовка со штыком поднялась. Современный автомат лёг в плечо мёртвому бойцу. Солдат с продавленным лицом снял с пояса гранату — старую, лимонку, покрытую инеем.

— Думаю, проверять не стоит.

Охранник с обожжённым лицом вскинул автомат.

— Может, мы их первыми?

Егор даже не повернулся.

— Конечно. Постреляй в мёртвый бронепоезд. Вдруг он испугается и умрёт второй раз.

— А ты предлагаешь что?

— Открыть сейф.

— Птахин сказал—

— Птахин умер, — отрезал Егор. — Следующий, кто повторит, составит ему компанию.

Кира уже стояла у контейнера.

Сейф был ростом с человека, серый, армированный, без ручек. На боку — чёрный трафарет:

ГРУЗ 1-К ПЕРИМЕТР «КНИГА» ОТКРЫТИЕ ТОЛЬКО ПО КОДУ КОМАНДОВАНИЯ

Ниже кто-то ногтем или ножом выцарапал другую надпись:

НЕ ЗОВИ ИХ ПО ИМЕНИ

Егор присел перед панелью.

— Код знаешь?

Кира покачала головой.

— Нет.

— Плохо.

— Но знаю протокол допуска.

— Хорошо.

— Нужен офицерский жетон, биометрия носителя и аварийная фраза.

— У нас есть что-нибудь из этого?

Кира сняла с шеи тонкую цепочку.

На ней висел металлический жетон. Не солдатский. Офицерский. С флотской эмблемой и фамилией:

КРЕЧЕТОВ А. М.

Егор посмотрел на неё.

— Отца?

— Да.

— Ты всё это время носила его?

— Он отдал перед эвакуацией.

— И сказал?

Кира поднесла жетон к считывателю.

— Сказал: если кто-то потребует открыть Книгу — стреляй.

— Мудрый человек.

— А потом сказал: если потребуют мёртвые — слушай.

Считыватель пискнул.

На панели загорелась жёлтая линия.

ЖЕТОН ПРИНЯТ. НОСИТЕЛЬ?

Кира приложила ладонь.

Индикаторы на её ошейнике вспыхнули.

Егор увидел, как по коже на её шее побежали мелкие судороги. Она побледнела, но ладонь не убрала.

НОСИТЕЛЬ ПРИНЯТ. ФРАЗА?

Кира закрыла глаза.

— Забытых не бывает.

Панель погасла.

На секунду показалось, что ничего не случилось.

Потом внутри сейфа что-то ударило.

Один раз.

Глухо.

Как сердце.

Замки начали открываться.

Первый.

Второй.

Третий.

Каждый щелчок отдавался в вагоне выстрелом.

Люди отступили.

Охранник перекрестился, сам того не заметив.

Дверца сейфа отошла на несколько сантиметров. Изнутри вытекла не дымка, не пар, не свет.

Память.

Егор понял это сразу и возненавидел себя за понимание.

Из сейфа пахло мокрой шинелью, порохом, госпитальным спиртом, землёй из свежей воронки, табаком, замёрзшим хлебом и кровью, давно впитавшейся в снег. На мгновение вагон семнадцать исчез.

Вместо него был окоп.

Ночь.

Глина по колено.

Кто-то кашляет рядом. Кто-то шепчет молитву. Командир говорит: «Без приказа не стрелять». Потом свист. Потом земля поднимается. Потом всё белое.

Егор моргнул.

Он снова был в вагоне.

Кира стояла рядом, держась за край сейфа.

Внутри лежала металлическая кассета.

Не книга.

Не папка.

Не устройство.

Прямоугольная пластина из тёмного металла, похожего на свинец, но с прожилками, как у метеоритного железа. На её поверхности были выгравированы строки. Не ровные. Не машинные. Будто буквы процарапывали штыком, иглой, ногтем, осколком зуба.

Имена.

Сотни имён.

Некоторые на кириллице. Некоторые старой орфографией. Некоторые латиницей. Некоторые знаками, которых Егор не знал.

В самом центре пластины темнела пустая строка.

Рация ожила.

— Назовите пропуск.

Кира наклонилась ближе к пластине.

— Здесь тысячи фамилий.

— Нужно одно, — сказал Егор.

— Как понять какое?

Чёрный поезд впереди замедлился.

Мёртвые солдаты на последней платформе окончательно навели оружие на вагон семнадцать.

Зарево за сопками вспыхнуло сильнее. Зов снова прошёл по рельсам — пока ещё тихо, как далёкий гром.

Один из детей в капсуле начал стонать.

Лиза закричала:

— У него кровь из ушей!

Кира быстро скользила глазами по именам.

— Тут нет порядка. Не алфавит. Не даты. Не подразделения.

— Мёртвые редко любят бюрократию.

— Помолчи!

Егор хотел ответить.

Но в этот момент увидел пустую строку.

Она уже не была пустой.

На металле медленно проступали буквы.

Сначала тонкие, как царапины. Потом темнее. Глубже. Будто кто-то писал изнутри.

ПТАХИН СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Егор почувствовал, как холод поднимается от пола.

Кира тоже увидела.

— Нет, — сказала она.

— Что нет?

— Он только что умер.

— Обычно это главное условие для попадания в такую книгу.

Пластина стала горячее.

Не физически. Егор не касался её, но чувствовал жар в зубах, в шрамах, в креплении протеза. Слово кто-то рядом открыл топку.

Рация зашипела.

— Имя.

Егор посмотрел на тело Птахина.

Потом на пластину.

Потом на мёртвый поезд.

Он понял.

И ему это не понравилось.

— Они хотят, чтобы мы назвали его.

Кира резко повернулась.

— Нельзя.

— Почему?

— Надпись на сейфе.

— «Не зови их по имени».

— Значит, имя — это не пароль. Это вызов.

Охранник с обожжённым лицом нервно усмехнулся.

— Так не называй. Пусть мертвяки подавятся.

В ответ чёрный бронепоезд дал гудок.

Точнее, должен был дать.

Но звука гудка не было.

Вместо него вагон семнадцать наполнился голосами.

Не словами.

Предсмертными вдохами.

Тысячами.

Люди схватились за головы. Лиза упала на колени. Охранник выронил автомат. Кира зажала уши, хотя это не помогало. Егор устоял только потому, что протез заклинил в поручне.

Рация произнесла:

— Имя.

Егор взял микрофон.

Кира схватила его за руку.

— Не делай этого.

— Если не сделаю, они откроют огонь.

— Если сделаешь, мы не знаем, кого вернём.

— Я знаю.

— Откуда?

Егор посмотрел на Птахина.

— Он умер здесь. С нами. Не на войне. Не сто лет назад. Не в окопе. Он наш.

Кира покачала головой.

— Мёртвые не бывают нашими.

Егор поднёс микрофон к губам.

— Птахин Сергей Викторович.

Тишина.

Такая плотная, что в ней можно было задохнуться.

Потом пластина в сейфе вспыхнула тусклым красным светом.

Тело Птахина дёрнулось.

Лиза закричала.

Охранник вскинул автомат, но Егор ударом протеза прижал ствол к полу.

— Не стрелять!

Птахин вдохнул.

Глубоко.

Жадно.

Как человек, которого вытащили из ледяной воды.

Он открыл глаза.

Но это уже были не совсем его глаза.

Зрачки стали серыми, будто в них попал пепел. Кровь на животе почернела и перестала течь. Лицо осталось мёртвым, но в нём появилось движение. Не жизнь. Приказ.

Птахин сел.

Медленно.

Посмотрел на Егора.

— Шрам, — сказал он.

Голос был его.

Почти.

В нём появился второй слой — далёкий металлический шум, как связь через старую рацию.

— Ты как? — спросил Егор.

Птахин опустил взгляд на рану.

Потрогал чёрную кровь.

— Плохо.

— Жить будешь?

Машинист поднял глаза.

— Нет.

Он встал.

Люди отступили к стенам.

Кира держала пистолет двумя руками, целясь Птахину в грудь.

— Не двигайся.

Птахин посмотрел на неё.

— Курсант Кречетова. Носитель. Приоритет один.

— Что с вами?

— Меня записали.

Рация ожила.

Голос Лютого произнёс:

— Пропуск принят.

Мёртвые солдаты на последней платформе опустили оружие.

Чёрный бронепоезд ускорился.

Вагон семнадцать последовал за ним.

Птахин пошёл к пульту.

Неуверенно сначала. Потом ровнее. Он сел в кресло машиниста, положил руки на рычаги и закрыл глаза.

— Тормозной контур пробит, — сказал он. — Ручник держит плохо. Правая тележка перегрета. Через двенадцать минут будет стрелка. Если уйдём налево — выйдем на старый грузовой обход. Если прямо — мост через падь. Моста нет.

Егор медленно подошёл.

— Откуда знаешь?

Птахин открыл серые глаза.

— Теперь помню.

— Что именно?

— Всё, что помнят пути.

Кира побледнела.

— Это невозможно.

Птахин повернул к ней голову.

— В тысяча девятьсот четвёртом тоже так думали.

Вагон накренился.

За окном промелькнули обугленные деревья. Потом бетонный столб. Потом тёмная фигура на насыпи.

Егор успел увидеть её всего на секунду.

Человек в старой шинели стоял у путевого знака. Лицо заматано грязной повязкой. В руках — винтовка со штыком. На груди — пробитый кожаный патронташ.

Он отдал честь вагону семнадцать.

А потом рассыпался пеплом.

Кира прошептала:

— Это был

— Порт-Артур, — сказал Птахин.

— Как ты—

— Он проснулся первым. Книга открыла нижний слой.

Егор почувствовал, как внутри всё холодеет.

— Нижний слой?

Птахин кивнул на сейф.

— Там не список. Там глубина. Чем больше имён зовёшь, тем дальше копаешь.

— И что на дне?

Машинист долго молчал.

Потом сказал:

— Первый солдат.

Кира опустила пистолет на несколько сантиметров.

— Кто?

Птахин посмотрел на чёрный бронепоезд впереди.

— Тот, кто умер за тех, кто ещё не родился. Книга началась с него.

Егор усмехнулся.

— Прекрасно. Теперь у нас ещё и религия на колёсах.

Но никто не улыбнулся.

Потому что снаружи Зов усилился.

Синий свет полз по тайге, превращая чёрные стволы в прозрачные сосуды. Земля начала вздуться. Из трещин вылезали тонкие нити — мокрые, светящиеся, похожие на корни и нервы одновременно. Они тянулись к рельсам.

Кира подбежала к окну.

— Они догоняют.

— Кто?

Ответ пришёл снизу.

Вагон подпрыгнул.

Одна из нитей ударила по днищу. Металл зашипел. Вторая обвилась вокруг оси и тут же почернела от жара, но не отпустила. Третья поднялась вдоль борта, оставляя на броне мокрый след.

Птахин резко дёрнул рычаг.

Вагон ускорился.

— Держитесь.

— Что это? — спросила Лиза.

Егор выдернул из рук охранника автомат и подошёл к боковой бойнице.

— Море.

— Здесь нет моря!

— Оно не в курсе.

Первая нить пробила щель у нижней панели.

Из отверстия потекла синяя вода.

Не струёй.

Пальцами.

Она ощупывала пол, гильзы, кровь, останки гончей. Там, где касалась металла, появлялась ржавчина. Там, где касалась крови, вспыхивали мелкие светящиеся пузыри.

Кира схватила огнетушитель.

— Холод работает.
— На гончих. Не факт, что на это.
— Есть идеи лучше?

Егор оглянулся.

Ящик тротила лежал у дальней стены, частично придавленный сорванной термокапсулой.

— Есть хуже.
Он бросился к ящику.
Охранник с обожжённым лицом перехватил его.
— Ты собрался взрывать вагон?
— Пока только часть.
— Какую?
— Ту, где будем не мы.

Кира уже была холодной струёй по синей воде. Вода отступала, покрываясь белой коркой, но сразу же трескалась и ползла дальше.

Лиза тащила термокапсулу с ребёнком к середине вагона. Второй охранник пытался заделать щель металлическим листом, но лист за секунды пошёл рыжими язвами.

Птахин за пультом говорил сам с собой.

Нет.

Не сам.

Он слушал.

— Стрелка через три минуты, — сказал он. — Нужно вручную перевести. Автоматика мертва.

Егор замер с шашкой тротила в руке.

— Где стрелка?
— Снаружи. Справа. На ходу.
— Конечно.

Кира обернулась.

— Я пойду.
— Нет.
— Я легче.
— Там нити.
— У тебя протез тяжёлый.
— У меня протез железный.
— Который вода сожрёт.

Они смотрели друг на друга одну секунду.

Слишком долго для ситуации.

Потом Птахин сказал:

— Пойдёте оба.
— Спасибо, мёртвый машинист, — буркнул Егор. — Очень помог.

Птахин не обиделся.

— Один переводит стрелку. Второй прикрывает. Если уйдём прямо — все умрём через четыре минуты.

Егор сунул Кире тротиловую шашку.

— Умеешь обращаться?
— Теория.
— Великолепно. Практика короткая: не роняй, не грей, не молись.
— А детонатор?

Он вложил ей в ладонь старый механический взрыватель.

— Вкручиваешь. Дёргаешь. Бросаешь. Бежишь. Желательно в этом порядке.
Кира кивнула.
Без страха.
Это снова ему не понравилось.
Страх — полезная вещь. Он удерживает людей от героизма. А героизм слишком часто выглядит как красиво оформленная глупость.
Егор открыл боковой люк.
Ветер ударил в лицо ледяными иглами.
Снаружи ночь неслась мимо полосами. Рельсы блестели под колёсами. Справа насыпь уходила вниз, в чёрную падь. Слева тянулись мёртвые столбы контактной сети. Впереди, под красным огнём чёрного бронепоезда, уже виднелась развилка.
Стрелочный механизм был завален ржавчиной и чем-то живым.
Нити Левиафана оплетали рычаг, как сухожилия.
Кира пристегнула страховочный трос к поясу.
Егор закрепил второй конец на своём протезе.
— Слушай внимательно, — сказал он. — Если я скажу назад — назад. Если скажу прыгай — прыгаешь. Если скажу бросай меня—
— Не брошу.
— Это не вопрос морали. Это инструкция.
— Устав не предусматривает бросать союзника.
— Твой устав писал оптимист.
Она посмотрела ему прямо в глаза.
— Мой устав писал человек, который погиб во Владивостоке, чтобы я успела сесть в этот вагон.
Егор хотел ответить резко.
Не смог.
— Тогда постарайся не испортить его работу.
Кира первой вышла наружу.
Она двигалась по узкому борту вагона, держась за поручни. Ветер трепал её короткие волосы. Синий свет бил снизу, делая лицо мёртвенно-бледным.
Егор полез следом.
Протез сразу потянул вниз. Каждый шаг отдавался болью в плече. Нити Левиафана уже ползли по борту, оставляя после себя мокрые ржавые шрамы.
Одна метнулась к Кире.
Егор выстрелил.
Автоматная очередь разорвала нить на части. Куски упали на насыпь и продолжили извиваться, как черви.
— Быстрее!
До стрелки оставалось меньше минуты.
Чёрный бронепоезд впереди уже прошёл развилку.
Он ушёл налево.
Вагон семнадцать летел прямо.
Кира спрыгнула с подножки на узкую сервисную площадку у стрелки.
Её едва не сорвало.
Трос натянулся.
Егор удержал, упёршись протезом в поручень.
— Жива?!
— Работаю!
Она бросилась к рычагу.

Нити обвили металл плотным клубком. Кира ударила прикладом пистолета. Бесполезно. Тогда достала нож и начала резать живые волокна. Те брызгали синей жидкостью, прожигая ткань рукава.

Она вскрикнула, но не остановилась.

Егор стрелял короткими очередями по нитям, которые тянулись к ней снизу. Патроны кончались слишком быстро.

Из тумана справа выскочила Стеклянная гончая.

Меньше первой.

Быстрее.

Она бежала по насыпи параллельно вагону, отталкиваясь от шпал. В её пасти светился Зов.

Егор перевёл огонь.

Пули прошли грудь, но фиолетовый узел не лопнул. Гончая прыгнула.

Егор встретил её протезом.

Удар выбил воздух из лёгких. Тварь повисла на его левой руке, вгрызаясь зубами в буровой кожух. Металл заскрежетал. Егор ударил её о борт вагона. Раз. Второй. Третий.

— Кира!

— Почти!

Стрелка не двигалась.

Кира вкрутила детонатор в тротиловую шашку.

— Что ты делаешь?! — заорал Егор.

— Импровизирую!

Она сунула шашку под основание стрелочного рычага, дёрнула шнур и бросилась назад.

Егор рванул трос.

Кира взлетела с площадки как кукла. Он поймал её правой рукой, ударившись спиной о борт вагона. Гончая снова рванулась к нему, но в этот момент взрыв разорвал ночь.

Стрелочный механизм исчез в огне.

Нити Левиафана вспыхнули синим пламенем.

Рельсы дрогнули.

Вагон семнадцать на секунду пошёл прямо.

Егор понял, что не успели.

Потом из-под земли поднялись белёсые рельсы.

Призрачные.

Мёртвые.

Они легли поверх разрушенной стрелки на долю секунды — ровно настолько, чтобы передние колёса вагона перескочили на левую ветку.

Корпус накренился.

Люди внутри закричали.

Егор и Кира повисли на борту, держась за один и тот же поручень.

Вагон вошёл в поворот.

Позади, там, где они должны были уйти прямо, из тумана возник мост.

Вернее, его отсутствие.

Чёрная пропасть.

Сломанные опоры.

И внизу — синяя вода, которая текла против течения.

Кира смотрела на неё, не моргая.

— Мы должны были упасть туда.

— Да.

— Рельсы появились.

— Да.

— Это сделали они?

Егор посмотрел на чёрный бронепоезд впереди.

На последней платформе солдат с продавленным лицом поднял руку.

Не отдал честь.

Просто показал два пальца.

Егор не сразу понял.

Потом понял.

Долг.

Не благодарность.

Долг.

— Похоже, теперь мы им должны, — сказал он.

Кира перевела дыхание.

— Сколько?

— С мёртвыми лучше не выяснять сумму.

Они забрались обратно в вагон.

Внутри пахло страхом, кислотой и детским плачем.

Лиза прижимала к себе уцелевшего мальчика. Второй ребёнок был жив, но без сознания.

Охранники смотрели на Птахина так, будто решали, стрелять сейчас или подождать, пока он попросит.

Птахин сидел за пультом.

Серые глаза смотрели на рельсы впереди.

— Успели, — сказал он.

— Благодаря нам, — ответил Егор.

— Благодаря им.

Рация щёлкнула.

Голос Лютого произнёс:

— Долг принят.

Егор устало закрыл глаза.

— Я ненавижу, когда меня слышат без микрофона.

Кира подошла к сейфу.

Пластина с именами больше не светилась. Но новая строка — **ПТАХИН СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ** — осталась на месте. Рядом с ней появилась маленькая отметка. Не буква. Не цифра.

Черта.

Как зарубка на прикладе.

— Что это значит? — спросила она.

Птахин ответил, не оборачиваясь:

— Один переход.

— Какой переход?

— Из живых в записанные. Из записанных в строй.

Кира медленно закрыла сейф.

— Мы не будем больше никого называть.

Птахин повернул голову.

— Будете.

— Нет.

— Когда придёт время, будете.

Охранник с обожжённым лицом поднял автомат.

— А может, мы тебя обратно уложим, покойник?

Птахин посмотрел на него спокойно.

— Попробуй.

Охранник не выстрелил.

Не потому что испугался.

Потому что в этот момент по крыше вагона раздались шаги.

Тяжёлые.

Человеческие.

Не гончьи.

Раз.

Пауза.

Два.

Пауза.

Три.

Все подняли головы.

Егор взял автомат.

Кира снова вскинула пистолет.

Лиза закрыла мальчику рот ладонью.

Шаги дошли до пролома в крыше.

Оттуда свесилась верёвочная лестница.

Старая. Пеньковая. С металлическими ступенями.

Потом в проломе появилось лицо.

Старик.

Худой, бородатый, в застиранной телогрейке и шапке-ушанке с флотской кокардой. За спиной у него торчала огромная радиостанция, собранная из армейских блоков, медных катушек, аккумуляторов и непонятных костяных пластин. Антенны дрожали, ловя мёртвый эфир.

Старик спустился в вагон так спокойно, будто заходил в электричку на дачу.

Оглядел кровь. Трупы. сейф. Птахина. Киру. Егора.

Потом снял шапку.

— Ну и бардак у вас, товарищи пассажиры.

Егор навёл на него автомат.

— Ты кто?

Старик покосился на ствол.

— Никанор Седых. Связист. По совместительству — последний человек на этой ветке, который ещё понимает расписание.

Кира не опустила пистолет.

— Вы с мёртвого поезда?

— Нет.

— Тогда как попали на крышу?

Никанор усмехнулся.

— Пешком.

— На ходу?

— Девочка, после конца света главное — не задавать слишком много технических вопросов. Они портят веру в чудо.

Егор сделал шаг ближе.

— Ты живой?

Старик задумался.

— По утрам — да. К вечеру бывают сомнения.

Птахин вдруг встал.

Медленно.

Никанор посмотрел на него и вздохнул.

— Уже записали, значит.

— Пропуск потребовали, — сказал Егор.

— И кого назвали?

— Его.

Старик покачал головой.

— Быстро вы начали.

— У нас был выбор?

— У всех всегда есть выбор. Просто иногда оба варианта — дрянь.

Кира подошла к Никанору.

— Вы знаете, что такое Книга Имён?

Старик посмотрел на неё внимательнее.

И впервые его лицо стало серьёзным.

— Знаю.

— Тогда говорите.

— Нельзя.

Кира подняла пистолет чуть выше.

— Почему?

— Потому что она слышит.

Вагон семнадцать качнулся.

Чёрный бронепоезд впереди входил в длинный тоннель, которого не было на карте. Над порталом висела старая каменная арка, заросшая ржавыми лишайниками. На ней едва читалась надпись:

ОБЪЕКТ «ТАЙГА-12»

Ниже кто-то белой краской вывел:

ЖИВЫМ — МОЛЧАТЬ

Никанор быстро перекрестился. Потом спохватился и отдал честь.

— Вот теперь, — сказал он, — начнётся первая глава.

Егор хмуро посмотрел на него.

— А до этого что было?

Старик закинул на плечо ремень радиостанции.

— Пролог, инженер.

Из тоннеля пахнуло холодом.

Не зимним.

Могильным.

Чёрный бронепоезд исчез внутри.

Вагон семнадцать пошёл следом.

На востоке Зов Левиафана оборвался.

И в наступившей тишине Егор впервые услышал не море.

Он услышал строй.

Тысячи сапог шагали где-то под землёй.

Раз.

Два.

Три.

Раз.

Два.

Три.

Мёртвые солдаты просыпались по расписанию.

Глава 2

Объект «Тайга-12»

Тоннель проглотил их без звука.

Не так, как обычный тоннель принимает поезд — гулом, эхом, хлопком сжатого воздуха, резким запахом сырого камня и старой копоти. Этот тоннель не принимал. Он закрывался за спиной, как пасть.

Снаружи осталась мёртвая тайга. Синий свет. Левиафан за сопками. Ржавые рельсы, которые пыталась сожрать вода.

Внутри был только холод.

Вагон семнадцать вошёл в тоннель следом за Чёрным бронепоездом и сразу потерял ночь. За выбитыми окнами не стало темнее — стало глубже. Тьма здесь была не отсутствием света, а чем-то плотным, многослойным, как мазут, в который подмешали прах.

Фары вагона давно не работали. Оставались аварийные лампы, зелёное свечение рации и красные отблески топки мёртвого паровоза впереди. Но свет не разгонял тоннель. Он тонул в нём, не проходя дальше нескольких метров.

Рельсы под колёсами перестали стучать.

Это Егор заметил первым.

Не потому, что был самым внимательным. Потому что после «Глубинного Щита» он научился слушать металл. Машина всегда говорила раньше людей. Перед аварией она меняла дыхание, хруст, температуру, ритм вибрации. Нужно было только не считать себя умнее железа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.